

DOI 10.18522/2415-8852-2025-2-17-26

УДК 82-1

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ В ПОЭЗИИ А.С. КУШНЕРА

Ольга Александровна Гримова

доктор филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

e-mail: astra_vesperia@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0691-1078

Аннотация. Статья посвящена осмыслению некоторых аспектов поэтики А.С. Кушнера в контексте неотрадиционалистской художественной парадигмы. Анализируя лирическое высказывание с точки зрения трех его основных аспектов (субъектного, объектного и рецептивного) автор исследует способы художественной репрезентации основной неотрадиционалистской интенции – восхождения от частного, ситуативного, к универсальному, общемировому, онтологическому. В результате проведенного анализа удастся установить, что данная интенция реализуется на нескольких уровнях художественного текста. Так, она формирует лирический сюжет, в ходе которого лирический герой вглядывается в некую частность с целью различить в ней контуры «тайны» самой жизни. Интенция восхождения к эйдетическому обуславливает также особую оптику лирического субъекта Кушнера, продвигающегося от овнешненного объективирующего восприятия созерцаемого к максимально интериоризированной рецепции, переводящей созерцаемый объект в статус субъекта. Движение от частного к всеобщему осуществляется и за счет обращения к определенной модели жанровой конвергенции: в замкнутый мир, организованный по законам идиллической архитектоники, вторгается балладное начало, размыкающее контур обыденного навстречу сверхъестественному. Сюжет дорастания лирического «я» до своего потенциального предела разворачивается посредством апелляции к фигуре медиатора – вестника. Живя в своей атомизированной действительности, лирический субъект как будто забывает о возможности иного конвергентного модуса бытия. Контакт с вестником инициирует прозрение героя, готовность воспринять откровение о чуде как эйдетической сущности мира. Устанавливается, что позиция адресата лирического высказывания, выстроенного таким образом, – позиция конвергентного принятия Другого, диалога с ним.

Ключевые слова: неотрадиционализм, лирический субъект, лирический сюжет, точка зрения, жанровый ин-вариант, конвергентность

В ситуации тотального кризиса я-сознания, эстетически репрезентированного постмодерном, особенно актуальными становятся поиски в сфере неотрадиционалистской поэтики. Эти поиски ведутся такими современными поэтами, как Д. Воденников и А. Русс, прозаиками Е. Водолазкин и А. Варламовым и многими другими. А.С. Кушнер – яркий современный поэт, в чьем творчестве активно разворачивается диалог с традицией. Особенности реализации этого диалога посвящена настоящая статья.

В работе «Постсимволизм» В.И. Тюпа формулирует разные аспекты неотрадиционалистской эстетики, соотнося ее с эстетикой авангарда и соцреализма. Основными чертами этой художественной парадигмы ученый называет «восстановление онтологического статуса художественности» [Тюпа 1998: 98], реализацию «конвергентного модуса сознания» и «дискурса ответственности» [Там же: 101], императив преемственности и новаторства по отношению к традиции. Обратившись к поэзии А.С. Кушнера, проанализируем специфику эстетического воплощения неотрадиционалистских принципов, сфокусировавшись на трех аспектах структуры лирического высказывания – субъекте поэтической самоактуализации, ее объекте и адресате.

Определяя особенности того, на что направлена поэтическая рефлексия Кушнера, оттолкнемся от мысли В.И. Тюпы о том, что «индивидуальная целостность всякого част-

ного, окказионального эстетического объекта в неотрадиционалистском тексте есть метаболическая актуализация эстетическим субъектом одной из бесчисленных граней мировой целостности сверхобъекта» [Там же: 121]. Иными словами, каждая конкретная составляющая мира, частность, деталь, на которой останавливается взгляд поэта, осознается им как репрезентация общемировой жизни.

Сама эта особенность поэтического видения – метаболическое восхождение от частного к глобальному – становится объектом метапоэтической рефлексии [Исрапова] в лирике Кушнера. Например, в стихотворении «Шкатулка» детальное рассмотрение устройства чичиковской шкатулки, обнаруживающее ее двуслойность (на поверхности – неважное, внутри – самое ценное для героя), становится метаболической репрезентацией формулы самой личности гоголевского героя: многообразии поверхностных социальных связей, за которыми «спрятан» стержневой мотив этой деятельности – стремление к обогащению, личному благополучию. Но оба эти уровня двуслойности – конкретно-материальный и более отвлеченный – становятся для автора также способом осмысления специфически лирического взгляда на объект:

... это лирика и есть, когда предмет
Твоим вниманием обласкан и согрет
И тайна жизни в нем мелькнула, проступила.
Шкатулка Чичикова или щит Ахилла –

Какая разница? [Кушнер 2011: 224]

Пристальное вглядывание в частности с целью различить в ней контуры «тайны» самой жизни, которая «мелькает» в предмете, часто становится у Кушнера основой лирического сюжета. Так происходит во многих ориентированных на поэтику И. Анненского стихах, разворачивающих ситуацию оживления неодушевленного предмета, чаще всего статуи («Аполлон в траве», «Перед статуей», «Филипп Аравийский» и мн. др.).

Например, в стихотворении «Статуя» сюжет движения от созерцания объекта к постижению его эйдоса организован сменой точек зрения. Вначале взгляд лирического субъекта на скульптурную фигуру Августа предельно овнешнен и даже как будто отчужден от созерцаемого («Этот мраморный парковый идол» [Кушнер 2022: 148]). На следующем этапе восприятия происходит интериоризация образа императора, однако лирический субъект эмоционально присоединяется не к Августу как историческому лицу, а к скульптурному изображению Августа, наделяя его – по сути своей собственной (то есть, принадлежащей лирическому субъекту) – возможностью ощущать грядущую «январскую муку», а также одиночество, сопротивляясь которому, император «не решается» опустить руку.

Следующий этап лирического сюжета – переакцентировка интериоризированного

взгляда. Он перестает быть только принадлежащим субъекту, ему открывается возможность посмотреть на окружающий мир как бы изнутри сознания самого императора. Именно на этот сдвиг указывает лексема «варварская» («Постояли бы так на последней черте / Перед варварской белой толпою» [Кушнер 2022: 148]), определяющая посетителей петербургского парка. Лирический субъект так пристально вглядывается в созерцаемое, что обретает как бы двойное зрение, объект наблюдения при этом теряет объектность и становится полноправным субъектом мировидения, с которым лирический герой вступает в диалог.

Именно эта открывшаяся перспектива диалога с чужим сознанием дает возможность движения к пониманию не только сущности созерцаемого предмета (статуи), но и окружающего мира, и обе эти смысловые сферы – окказиональная и универсальная – предстают взаимосвязанными:

Обступая его, тьма глаза ему ест,
Предрассветная изморозь гложет.
И как некогда Рима не спас его жест,
Так и нас защитить он не сможет. [Кушнер 2022: 148]

В финальной строфе лирический субъект сохраняет интериоризированный взгляд на фигуру императора, однако интериоризация здесь открывает возможность обобщения. Из

точки сопереживания крайне уязвимой фигуре, глубинного в нее вникания открывается возможность целостного осознания всей римской истории как трагической и – шире – осознания трагической участи любого человеческого существования, незащищенного перед тьмой. Не случайно в финале лирическое «я» сменяется на «мы». В этом контексте поэт переосмысливает жест императора (римский салют) как жест заведомо обреченной попытки защититься от надвигающего хаоса. Заметим, что финальное, максимально эмпатичное, восприятие объекта противопоставлено изначальному овнешненному восприятию статуи как предмета, выключенного из аутентичной императору реальности и жизни в целом («парковый идол»).

Отметим также, что трижды происходящая смена ракурса взгляда лирического субъекта на объект, обеспечивающая динамику движения от поверхности вещи к ее эйдосу, неизбежно формирует аналогичную смену читательской оптики, что обеспечивает диалог не только с объектом эстетической коммуникации, но и с ее имплицитным реципиентом. Выстраивая динамичную систему перспектив, поэт так переформатирует восприятие читателя, что последний также, как и лирический субъект, обретает способность воспринять образ парковой статуи как своеобразный «портал» доступа к генеративному восприятию участи римской цивилизации и общечеловеческого удела в целом, при-

чем речь идет о причастном, диалогическом доступе, а не просто об осознании как когнитивном процессе.

Позиция сопереживания чужой страдающей уязвимости обеспечивает еще одно измерение эстетического диалога – историко-литературное. Уже обозначенная связь А. Кушнера и И. Анненского осуществляется, таким образом, не только на уровне уже отмеченных мотивно-тематических перекличек, но затрагивает глубинные инвариантные смыслы двух неотрадиционалистских систем.

Рассматривая творческий акт как способ восхождения от частного, окказионального, к универсальному, онтологическому, неотрадиционалистская личность «ищет опоры вне себя в причастности к объективности бытия» [Тюпа 1998: 123]. Творчество оказывается, таким образом, условием самотрансцендирования, пространством «осуществления субъектом потенциальной возможности, некоего экзистенциального предела своей индивидуальности» [Там же].

Дорастание «я» до своего потенциального предела, эйдоса – второй существенный источник лирической сюжетности А. Кушнера. В стихотворении «Он встал в ленинградской квартире» этот сюжет реализуется, как в первом рассмотренном нами случае, с опорой на классическую традицию, в данном случае в качестве прецедентного текста выступает, конечно, пушкинский «Пророк».

Если в стихотворении «Статуя» инструментом трансформации частного в эйдети́ческое стала смена точки зрения лирического субъекта, то в рассматриваемом тексте возможность самотрансценденции лирического субъекта рефлексирована за счет работы с жанровой топикой. Как и в прецедентном пушкинском шедевре, лирическая ситуация данного стихотворения соотносена с балладным инвариантом [Тюпа 2013: 109]. Границы человеческого мира размыкаются вторжением фигуры, репрезентирующей «потусторонний» мир: пушкинский «шестикрылый серафим» очевидно соприроден «чудному гостю» Кушнера. Однако современным поэтом балладная архитектоника не только наследуется, но и трансформируется. Если визит сверхъестественного существа, изображенный в стихотворении классика, катастрофичен для человеческого «я» лирического субъекта, совершающего трансгрессию и обретающего «я» сверхчеловеческое, то визит «чудного гостя» у Кушнера лишь переключает героя из одного модуса существования в другой.

В стихотворении современного поэта баллада как бы вторгается в идиллию. Лирический субъект А. Кушнера – носитель идиллических ценностей частной жизни, ограниченной «домашним кругом», этого же генезиса его личная аксиология («Вот если бы легкие ночи, / Веселость, / здоровье детей» [Кушнер 2022: 31]). Поле жанровой суггестивности за-

дает и трансформацию пространства встречи (не пустыня, где герой томится «духовной жаждой», а «ленинградская квартира»). Пушкинский катастрофизм встречи со сверхъестественным у Кушнера снимается указанием на то, что она не первая («Шесть крыл из которых четыре, / я знаю, ему не нужны» [Там же]). Кушнер как будто строит свою версию прецедентного сюжета, где человеческое «я» не аннулируется превращением в пророческое, а лишь дополняется им. Эта онтологическая двойственность определяет двойственность точки зрения лирического субъекта. С одной стороны, сохраняя человеческую оптику, он «заземляет» «чудного гостя» (его можно попросить не шуметь), но с другой, обращение к также доступной ему оптике сверхчеловеческой в принципе делает возможным диалог с субстанциальным, в то время как пушкинский лирический герой предстает лишь как объект воздействия божественной силы.

Событие выхода из человеческого модуса бытия в сверхчеловеческий в рассматриваемом тексте осмыслено как выход из идиллического мира в балладный. Контур «домашнего круга», в котором замкнут герой, размыкается, что подчеркивается образом расширяющегося художественного пространства, отпираемых дверей, пустоты как потенциальной возможности воспринять откровение: «Вдруг сделалось пусто и звонко, / Как будто нам отперли зал» [Кушнер 2022: 31]. Таким образом, посредством обра-

щения к классическому претексту современный поэт рефлексирует основополагающую для эстетики неотрадиционализма возможность самотрансцендирования лирического «я», достигаемого не катастрофическим аннигилированием его человеческого сегмента, а скорее опциональным «переключением» между «профанным» и «сакральным» режимами функционирования этого «я».

Динамика стихов Кушнера часто определяется необходимостью преодоления дистанции, разделяющей две реальности – индивидуальную, замкнутую на самой себе, и общемировую, основанную на причастности всех ко всем, которая зачастую оценивается как субстанциальная. Преграда, разделяющая эти реальности – ментальная. Живя в своей «атомизированной» действительности, герой как будто забывает о возможности иного, конвергентного модуса бытия. Поэтому столь значимой в контексте кушнеровской аксиологии оказывается фигура вестника, открывающего лирическому субъекту возможность иного режима существования.

Вестнические функции в стихах Кушнера могут выполнять самые разные актанты – это может быть птица, как бы прилетевшая из другого мира, или письмо, пришедшее оттуда же, стрекоза, муза и даже куст жасмина.

Так, в стихотворении «Куст» природный объект наделяется не только сакральным статусом, но и возможностью транслировать свою приобщенность к тому сакральному,

кто изначально является частью мира профанного, человеку. Отключенность от общемировой жизни маркируется здесь как невозможность вступить в диалог (дважды повторенное «ты слеп и глух», «бесноватость» как аллюзивно отсылающее к евангелию временное безумие, наведенное на человека демоническими силами [Кушнер 2022: 96]). В то же время окружающий лирического субъекта мир на диалог настроен: «грозди светятся», как бы предлагая их увидеть, куст способен «говорить», «свидетельствовать о чудесах» [Там же]. Человеческие действия в стихотворении связаны с усилением разобщенности («ищешь виноватого», «сам готов кого-нибудь обидеть» [Там же]). Контакт, осуществляемый природным объектом, реминисцентно связан с евангельским сюжетом об исцелении бесноватого, и этот статус в данном случае может быть интерпретирован как невозможность увидеть себя неотъемлемой частью потока общемировой жизни, неумение осознать эту неразрывность.

Движение лирического субъекта от такого рода слепоты к прозрению интересно подчеркивается финальной рифмой «обидеть – видеть». Известно, что этимологически глагол «обидеть» также связан с семантикой видения / понимания (об-видеть – обойти видением, не увидеть), соответственно, контакт с жасминовым кустом («Но куст тебя заденет, бесноватого» [Кушнер 2022: 96]) инициирует прозрение лирического субъекта,

готовность воспринять откровение о чуде как эйдетической сущности мира, о которой человеку свойственно забывать в силу погруженности этого чуда в обыденность.

Значимо, что движение лирического субъекта от слепоты к прозрению включено в сферу сознания самого лирического субъекта. То есть он – и тот, кто забывает о чудесной сущности мира, и тот, кто рефлексирует необходимость ее воспринимать как откровение, и этот же субъект, по сути, актуализирует восприятие мира как чуда посредством творческого акта, который и есть прозрение. Сущностная дистанция, разделяющая два «я» – слепое и прозревшее, – столь велика, что требует грамматической маркировки: невидящее чудесность мира «я» превращается в «ты», но само его появление – свидетельство того, что процесс продвижения от профанного к онтологическому стал объектом художественной рефлексии.

Таким образом, неомодернистская интенция восхождения от частного, окказионального к всеобщему, онтологическому, универсальному детерминирует основные параметры поэтики А.С. Кушнера – субъектную сферу (в частности, закономерности смены точек зрения), лирический сюжет, выстраиваемый по модели движения от профанного к сакральному, алгоритм работы с жанровыми стратегиями, ориентированный на их конвергенцию, а также позиционирование адресата, которого лирический дискурс

современного поэта как бы подталкивает к принятию этической позиции причастности к миру Другого и миру в целом.

Литература

Исрапова, Ф.Х. Металирика в смене художественных парадигм. М.: Буки Веди, 2015.

Кушнер, А.С. По эту сторону таинственной черты. Стихотворения и статьи о поэзии. СПб.: Азбука, 2011.

Кушнер, А.С. Меж Фонтанкой и Мойкой... Книга стихов. СПб.: Издательство «Арка», 2022.

Тюпа, В.И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара: Самарский муниципальный университет Наяновой, 1998.

Тюпа, В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013.

References

Israpova, F.H. (2015). *Metallirika v smene hudozhestvennykh paradigm* [Metalyrics in the change of artistic paradigms]. Moscow: Buki Vedi.

Kushner, A.S. (2011). *Po etu storonu tainstvennoy cherty. Stikhotvoreniya i stat'i o poezii* [On this side of the mysterious border. Poems and articles on poetry]. Saint Petersburg: Azbuka.

Kushner, A.S. (2022). *Mezh Fontankoy i Moykoy... Kniga stikhov* [Between the Fontanka and the Moika Rivers... A book of poems]. Saint Petersburg: Arka Publishing House.

Тыура, V.I. (1998). *Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoj poezii XX veka* [Postsymbolism: theoretical essays on Russian poetry of the twentieth century]. Samara: Nayanova Samara Municipal University.

Тыура, V.I. (2013). *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow: Intrada.

Для цитирования: Grimova, O.A. Особенности реализации неотрадиционалистской художественной парадигмы в поэзии А.С. Кушнера // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 2. С. 17–26. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-17-26

For citation: Grimova, O.A. (2025). Features of the neotraditionalist paradigm in the poetry of A. Kushner. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (2), 17–26. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-17-26

FEATURES OF THE NEOTRADITIONALIST PARADIGM IN THE POETRY OF A. KUSHNER

Olga A. Grimova, Doctor of Philology, Associate Professor at Kuban State University (Krasnodar, Russia); e-mail: astra_vesperia@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the comprehension of some aspects of the poetics of A. Kushner in the context of the neotraditionalist paradigm. By analyzing a lyrical text from the point of view of its three main aspects (subjective, objective and receptive), the author explores the ways of discourse representation of the main nontraditionalist intention – the ascent from the particular, situational, to the universal, world-wide, ontological. As a result of the analysis, it is possible to establish that this intention is realized at several levels of the literary text. Lyrical plot unfolds by lyrical subject's peering into a certain particularity with the aim of discerning in it the contours of the mystery of life itself. The intention of ascent to the eidetic also determines the special optics of Kushner's lyrical subject, moving from the externalized objectifying perception of the contemplated to the most interiorized reception, transferring the contemplated object to the status of a subject. The movement from the particular to the general is also carried out by turning to a certain model of genre convergence: a ballad principle invades a private world organized according to the laws of idyllic architectonics, breaks the boundaries of the ordinary to meet the supernatural. The plot of the growth of the lyrical "I" to its potential limit unfolds through an appeal to the figure of a mediator – a messenger. Living in his atomized reality, the lyrical subject seems to forget about the possibility of another convergent mode of being. Contact with the messenger initiates the hero's insight, the readiness to perceive the revelation of a miracle as the eidetic essence of the world. The position of the addressee of a lyrical text constructed in this way is the position of a convergent acceptance of the Other, a dialogue with him.

Key words: neotraditionalism, lyrical subject, lyrical plot, point of view, genre invariant, convergence

